

НАРОДЫ СССР

С. Г. Лазутин. *Русская частушка. Вопросы происхождения и формирования жанра*. Воронеж, 1960, 261 стр.

Частушки, как это всеми признано, — один из самых популярных и самых массовых жанров народного творчества современности. Однако, как это ни странно, исследовательских работ о частушках до крайности мало. Чаще всего изучение частушек (специфика жанра, его происхождение, поэтика, характер бытования) велось в связи с другими задачами. Вот почему нельзя не приветствовать появление книги «Русская частушка» известного советского исследователя песен С. Г. Лазутина.

Книга посвящена главным образом происхождению частушек. По этому вопросу были высказаны самые противоречивые, взаимоисключающие суждения. Одни исследователи заявляли, что частушки сложились в самостоятельный жанр не ранее конца XIX в.; другие считали, что этот жанр так же древен, как и другие жанры народного творчества.

С. Г. Лазутин пришел к выводу, что «серьезной методической ошибкой в решении вопроса о генетических истоках частушек в ряде работ было то, что в них частушка рассматривалась как некий неизменный жанр фольклора, которому будто бы были присущи одни и те же черты и в период его зарождения, и в период его окончательного оформления» (стр. 130). Сам С. Г. Лазутин последовательно придерживается исторического принципа анализа. Он стремится уяснить развитие частушек от их зарождения до окончательного формирования этого жанра. Именно этот методологически верный исторический аспект в изучении генезиса частушек и позволил С. Г. Лазутину прийти к выводам, обоснованным обширным исследовательским материалом, о времени и условиях возникновения частушек и путях их развития.

В становлении жанра частушек автор определяет два момента: выделение их в особый жанр и окончательное оформление этого жанра. Первый момент он относит к 1850—1860-м годам (стр. 18—19), второй — к 1870—1880-м годам (стр. 251).

При всей убедительности доводов С. Г. Лазутина в пользу такой хронологии все же хотелось бы высказать некоторые сомнения. Едва ли допустимо, что процесс формирования жанра может произойти за такой короткий срок. Очевидно, было бы более правильным считать, что процесс выделения частушек в самостоятельный жанр падает на первую половину XIX в. (а не на одно из его десятилетий).

Важно здесь вот что: возникновение частушек С. Г. Лазутин стремится объяснить социальными условиями, существовавшими при рождении этого жанра: проникновение в фольклор песен литературного происхождения; возникновение под их влиянием новых народных песен; трансформация народной песни (стр. 32).

Особо следует отметить наблюдения автора над формированием в первой половине XIX в. особого жанра, названного им «новыми народными песнями». Действительно, эти песни по своим жанровым признакам отличны как от традиционной песенной лирики, так и от литературных песен. Эти песни в записях собирателей первой половины XIX в. представлены обильно. Исследователи же обычно рассматривают их в общем потоке народной лирики. Между тем, новые песни первоначально слагались, должно быть, в городской демократической среде и имели своеобразную поэтику, темы и образы, отличные от крестьянской лирики. Позднее же новые песни, проникнув в деревню, оказали на крестьянские песни огромное влияние. Выделение новых песен из традиционной лирики — большая находка исследователя.

В книге много и других ценных выводов и наблюдений: о жанровых особенностях четырехстрочных частушек, о связи частушек с пословицами, о взаимовлиянии частушек и песен XVIII—XIX вв. и др.

Не все, разумеется, в данной книге представляется бесспорно доказанным. Против некоторых выводов хотелось бы возражать. Так, заявление о том, что «русские частушки в 80-е годы XIX в. начинают проникать и на Украину» (стр. 55) справедливо; однако известно, что в еще более раннее время украинские частушки проникали в области с русским населением. В этой связи крайне важным представляется выяснение взаимовлияния русских частушек с украинскими коломийками, шумками, талайками.

Связь частушек с творчеством крестьянства (особенно с песнями) С. Г. Лазутиным показана убедительно; однако нужно было показать и связь частушек с жанрами городского фольклора (например, с литературными и «новыми народными песнями»). Нельзя согласиться поэтому с категоричным утверждением автора: «Для нас является совершенно несомненным, что генетически частушка связана именно с жанрами крестьянского фольклора» (стр. 53).

Для подтверждения вывода о возникновении частушек вследствие разложения традиционных песен С. Г. Лазутин привлекает большой песенный материал. Обычно он берет нужную ему песню, прослеживает ее судьбу и показывает, как из этой песни выделяется частушка. Такая методика анализа вполне оправдана целями исследования. Однако при этом методе для исключения элемента случайности следует подвергать анализу все известные записи вариантов песни. Так, анализ песни «Уж ты девица обманчивая» (стр. 83) автор проводит по записи 1885 г.; песня же эта известна еще в записях начала XIX в. (см., например, в новой серии «Песен, собранных П. В. Ки-

реевским, №№ 29, 119, 236, 277, 559, 737)¹ и, разумеется, после того, как из нее выделилась частушка, песня не прекратила своего существования, а дождалась вплоть до нашего времени.

Судьба песен необычайно сложна. С. Г. Лазутин — один из знатоков народной песни — сам говорит о многообразии путей ее трансформации. Выяснение всех этих путей было бы крайне важно для фольклористики.

П. Ухов

¹ «Песни, собранные П. В. Киреевским», новая серия, вып. 1, М., 1911.

Г. А. Меновщикова. *Эскимосы. Научно-популярный историко-этнографический очерк об азиатских эскимосах*. Магадан, 1959, 145 стр.

Небольшая книжка Г. А. Меновщикова об азиатских эскимосах встречена с большим интересом не только широкими кругами читателей, но и специалистами. И это не случайно. Ее автор, известный советский лингвист, много лет жил на Чукотке, и его работа — по существу первая в нашей литературе монография об этой народности, внесшей большой вклад в географическое исследование Севера.

Книга состоит из введения и тринадцати глав, рисующих прошлое и настоящее азиатских эскимосов: их происхождение, хозяйство, материальную культуру, социальные отношения, религиозные представления, празднества и обряды, искусство и, наконец, их современную жизнь. Конечно, отдельные темы освещаются с неодинаковой полнотой, что, по-видимому, отчасти объясняется недостатком материалов по тем или иным вопросам; однако в некоторых случаях это ведет к диспропорциям в характеристике эскимосской культуры, сразу бросающимся в глаза. Так, автор тщательно описывает типы жилищ азиатских эскимосов и их эволюцию. Посвященный этому вопросу раздел книги, как и некоторые другие его главы, — не просто научно-популярное изложение, а интересное исследование, имеющее самостоятельное значение. Напротив, такая важная тема, как общественный строй эскимосов, объединена в одну главу с «основными занятиями» (тогда как спортивные игры и физическое воспитание выделяются в отдельную главу). В результате для читателя остается неясным, каким был общественный строй эскимосов в прошлом. Автор сводит проблему общественного строя эскимосов к более частному вопросу о формах кооперации труда при морской охоте и о нормах раздела добычи, указывая, что у эскимосов была байдарная артель, часто укомплектовывавшаяся членами одной семейной общины (стр. 23). Вопрос о том, была ли у азиатских эскимосов в прошлом родовая организация, сохранились ли ее пережитки к концу XIX в. и какими отношениями были связаны между собой односельчане, не входившие в одну семейную общину, автором даже не ставится.

Между тем материалы об американских эскимосах показывают, что у эскимосов западного побережья Аляски и прилежащих островов св. Лаврентия, Нунивака, Кадьяка еще несколько десятилетий назад сохранялись многие черты отцовско-родовой организации, а в целом их стойбища в этот период могут быть определены как соседские общины.

Трудно согласиться с высказыванием Г. А. Меновщикова о том, что «первичной общественной ячейкой азиатских эскимосов с давних пор (разрядка моя. — Л. Ф.) была отдельная семья, состоящая из мужа, жены и их детей» (стр. 79). В период существования у эскимосов рода, — а судя по сохраняющимся у них пережиткам, это было не так давно, — отдельная семья не могла быть общественной ячейкой хотя бы потому, что муж и жена принадлежали к различным родам со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Говоря о запрете браков между братьями и сестрами, автор не указывает, о каких кузенах идет речь — параллельных или перекрестных, или же различие между ними уже утратилось; а ведь это имеет существенное значение для характеристики семейно-брачных отношений (стр. 80).

Вызывает некоторые возражения и введение к книге, а именно, те его места, где говорится о происхождении эскимосов. Нам кажется, что автор переоценивает влияние южных элементов в культуре эскимосов, некритически излагая взгляды С. И. Руденко на эскимосов как пришельцев из островного мира Юго-Восточной Азии (стр. 8). В настоящее время почти все советские и зарубежные исследователи считают, что эскимосы сформировались как народность со своей своеобразной культурой на берегах Берингова пролива. Несколько устаревшими представляются и характеристики эскимосских культур и их хронологической последовательности, также приводимые по книге С. И. Руденко.